

Предисловие

Эту книгу меня побудило написать судебное разбирательство, в котором я участвовал как адвокат. С 1970-го по 1974-й год я выступал на стороне защиты в процессе над нацистским преступником, представшим перед фрайбургским судом присяжных. Подсудимый, который в 1942 году служил полицейским в еврейском гетто в Ченстохове, обвинялся в жестоком преследовании и убийстве восьми евреев. Человек, сидевший на скамье подсудимых, был слесарем по профессии, знатоком своего дела, и выглядел добропорядочным гражданином и патриархальным отцом семейства — эдаким добродушным дедушкой. Он был молод, когда 32 года назад совершил свои преступления. Свидетели подтвердили его участие в злодеяниях, личная ответственность и вина были установлены, и он был приговорен к пожизненному заключению по обвинению в убийстве нескольких лиц.

На таких процессах более всего поражает ужасающая картина преступления, подробности которой вырисовываются по мере того, как очевидцы в зале суда вспоминают те события. Шокирует и то, что этот абсолютно заурядный человек мог совершить подобное преступление лишь в обстановке извращенного правосудия, за которую он ответствен не более чем те, кому затем пришлось рассматривать его злодеяние.

Если обычный убийца, нарушая законы общества и принятый в нем порядок, сознательно противопоставляет себя государству и социуму, то полицейский, расстрелявший в 1942 году евреев из гетто за мелкие пра-

вонарушения, вполне мог оправдывать свои действия установленными государством и обществом нормами. Именно в таких случаях становится очевидной разница между государством, в котором имеют место те или иные правонарушения, и государством, в котором преступление провозглашено добродетелью.

Как адвокат, выступающий на стороне защиты, я должен был изучить исторический антисемитизм, или, если быть более точным, антииудаизм. Явление это достигло своего апогея при Гитлере, но оно имеет древние корни и никоим образом не ограничивается Германией.

Исторический антииудаизм прочно укоренился во всех странах с христианской культурой. Проследивая его источники, неминуемо возвращаешься — об этом приходится говорить с прискорбием — к авторам Нового Завета. Их обвинение евреев в смерти Иисуса и свидетельство о проклятии, которое те якобы призвали на самих себя (Матф. 27, 25–26), в течение веков использовались в качестве юридического обоснования притеснений, изгнания и массовых убийств евреев. Всякий раз, когда «христиане» давали волю своей ненависти по отношению к евреям, свои действия они оправдывали словами евангелий — главным образом Евангелия от Матфея и Евангелия от Иоанна.

Осознав это, я приступил к более глубокому изучению источников и в конце концов уступил обаянию личности исторического Иисуса из Назарета. Так появилась эта книга.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто поддерживал меня в этом проекте и чьи предложения и советы побуждали меня к продолжению работы над рукописью, которую я то и дело приостанавливал в силу своей занятости.

Я особенно признателен моему другу Георгу Тамму. В наших долгих вечерних беседах он не только помогал мне ценными советами, но и вычитывал рукописи, и сверял цитаты. Многие его подсказки и предложения

приводили меня к новым открытиям. Также выражаю благодарность своей юной сотруднице Эльке Ленски, печатавшей рукопись зачастую после работы и по выходным, делая это всегда с энтузиазмом, даже если страницы приходилось перепечатывать снова и снова, внося стилистическую правку. Я также благодарен всем, кто, стремясь восстановить историческую справедливость, внес свой вклад в распространение этой книги.

*Фрайбург,
9 ноября 1986 года*

Введение

До сих пор юристы редко интересуются личностью Иисуса из Назарета и обстоятельствами его насильственной смерти. И это удивительно, поскольку от юристов в первую очередь ожидают объективного мнения об Иисусе. Ведь, согласно традиции, суд над ним стал одним из тех случаев — причем наиболее значительным,— когда невиновному был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение.

Однако мы не добьемся объективного мнения об этом судебном разбирательстве, пока не рассмотрим, насколько удастся, биографию обвиняемого и не подвергнем ее затем критической оценке с учетом конкретных обстоятельств его жизни. Следуя подобной практике современного уголовного судопроизводства, первая часть книги посвящена личности Иисуса.

В данной работе я не пытаюсь дать описание жизни Иисуса или провести повторное судебное разбирательство и пересмотреть приговор иерусалимского суда. Юридический анализ заранее обречен на неудачу, поскольку мы не уверены в том, что уголовное разбирательство (в современном понимании этого слова) вообще имело место.

В конечном счете, нельзя назвать удовлетворительной ни одну из трех наиболее достоверных с исторической точки зрения теорий, объясняющих обстоятельства распятия Иисуса: ни утверждающую, что еврейский истребитель пожелал избавиться от этого галилейского пророка и нарушителя спокойствия и передал его римлянам; ни ту, согласно которой Иисус являлся зелотом, борцом против римской оккупации, за что и был каз-

нен; ни теорию, представленную здесь как наиболее вероятную, согласно которой римляне приговорили Иисуса как подозреваемого бунтовщика своим военно-полевым судом*, после чего распяли его, не распознав пацифистский характер его общественной деятельности.

Евангелия скупы на подробности жизни Иисуса, неожиданно окончившейся арестом и казнью. Проще указать, где евангельское повествование противоречит критериям объективности, а потому нуждается в коррекции. Тот факт, что нигде, кроме евангелий, не упоминается судебный процесс, проводившийся в Иерусалиме примерно в 30 г. н. э., привел меня к заключению, что происшедшее на Голгофе не вызвало сенсации или, во всяком случае, не запомнилось современникам.

Ни Павел, ни евангелия, ни другие авторы Нового Завета не проявляют особого интереса к биографии Иисуса. Более того, острая нехватка сведений со временем породила сомнения в существовании исторического Иисуса. Только благодаря данным, полученным в результате так называемого историко-критического исследования существования Иисуса, этот скептицизм был рассеян.

Евангелия несли проповедь христианского учения на просторах Римской империи. Отсюда изначально предвзятое отношение к вопросу вины за смерть Иисуса. Например, римский прокуратор Понтий Пилат, описанный в исторических источниках как невероятно жестокий и настроенный против евреев человек, в евангелиях изображен как снисходительный судья, который якобы делал все возможное в тщетной попытке освободить обвиняемого Иисуса, представшего перед его судом.

* Другими словами, уголовное разбирательство «дела Иисуса» выглядит так, как если бы оно было проведено военным трибуналом. Я понимаю, что подобное сравнение исторически неубедительно. Можно привести доводы, что военный трибунал — это институт, созданный военным уголовным кодексом для проведения суда исключительно над военными. Тем не менее, я считаю, что термин «военный трибунал» здесь уместен, так как он подчеркивает ту поспешность, с которой был проведен суд над Иисусом.

Некоторые факты, с которыми читатель столкнется в этой книге, можно обнаружить и в трудах других авторов. В действительности, нет ни одного мнения или предположения, высказанного здесь, которое не прозвучало бы ранее в полифонии богословской дискуссии. Однако, насколько мне известно, попытки такого синтеза еще не предпринимались. Кроме того, методика данной работы отличается от методик прочих публикаций.

Меня как юриста заинтриговала идея проведения своего рода «перекрестного допроса свидетелей», имеющих отношение к Иисусу и к суду над ним. Выбранный мной метод, в котором цитаты из главных документов христианской веры и христианско-иудейского диалога перемежаются с аргументами других авторов, призван показать читателю, что образ Иисуса, создаваемый Церковью и проповедуемый с кафедры, радикально отличается от образа летописных свидетельств.

Хотя всем мнениям об историческом Иисусе непременно свойственна философская или религиозная предвзятость тех, кто их придерживается, я приложил немало усилий, чтобы не касаться вопросов личной веры. Христианам, которым мои аргументы покажутся убедительными, не придется отказываться от центральной идеи христианства, заключающейся в том, что Иисус из Назарета — умерший и воскресший Христос. Однако я выступаю против веры, отвергающей достижения исторических исследований, веры, которую можно назвать слепой. История учит нас тому, как легко слепая вера может превращаться в фанатизм и порождать гонения. Для того чтобы правильно понять эту книгу, следует рассматривать ее не с теологической, а с юридическо-исторической точки зрения.

Часть I

ЛИЧНОСТЬ

Глава первая

Источники и их историческая ценность

АВТОРЫ И КАНОН

Всякий, кто занимается поисками биографических данных об Иисусе Христе, напоминает человека, бредущего в темноте на ощупь. Об Иисусе известно намного меньше, чем, скажем, об Александре Македонском, Цезаре или Августе; мы можем лишь догадываться, как могло произойти то или иное событие в его жизни. Но что мы можем сделать, так это отделить правду от вымысла в тех сведениях, которые нам известны.¹

Иисус лично не оставил после себя никаких письменных свидетельств. В литературе своего времени он не описывается.² Единственным источником является Новый Завет. Однако, никто из авторов Нового Завета, включая Павла, который был единственным современником Иисуса, с ним не встречался. Францисканский ученый Дауценберг высказывает мнение, которое в той или иной степени какое-то время разделялось теологами: «Ни одно евангелие не было написано очевидцем»³.

Авторы евангелий принадлежат к более позднему поколению и остаются неизвестными истории. Никого из них, несмотря на совпадение имен, не следует отождествлять с апостолами, учениками Иисуса. Даже автор двух посланий Петра, хотя он и представляется учеником Симоном Петром и свидетелем описываемых собы-

тий,— это не Симон Петр из евангелий и Книги Деяний. Неизвестный автор обоих посланий просто присвоил себе имя Петр, дабы воспользоваться авторитетом и придать больше веса своим словам.⁴ Это же справедливо и в отношении посланий Иакова и Иуды. Авторы этих посланий, как бы там ни было, не Иаков и Иуда, братья Иисуса, упоминаемые в Евангелии от Марка (6, 3).

Древнему миру не было известно право на литературную собственность, и авторство многих произведений приписывалось известным личностям, которые не имели к ним никакого отношения. Например, большая часть псалмов Давида и высказываний Соломона имеет к Давиду или Соломону не больше отношения, чем Книги Моисеевы — к Моисею.

Когда автор Евангелия от Иоанна заявляет: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Иоан. 21, 24), он вводит читателя в заблуждение, так же как и составитель посланий Петра. Автор стремится внушить читателю мысль о том, что евангелист Иоанн и возлюбленный ученик Иисуса Иоанн — это одно и то же лицо. Отрывок, в котором рассказывается, что он стоял у подножия креста и сопереживал Иисусу в его последние минуты (Иоан. 19, 35), используется в качестве подтверждения этой ошибочной теории. В действительности события, описанные в Евангелии от Иоанна, произошли за 80 лет до его составления. Следовательно, автору должно было быть около ста лет, если он, в самом деле, был очевидцем тех событий.

Ученики⁵, а, по сути, и все те, кто мог окружать Иисуса за время его недолгого общественного служения, были людьми простыми, но читать и писать могли. Хотя Иисус старался быть понятным простым людям и не предъявлял к своей аудитории никаких особых интеллектуальных требований, даже ученикам было трудно понимать его. Постоянно задавая вопросы о смысле той

или иной притчи или высказывания, они, должно быть, нередко выводили учителя из терпения.

И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи?.. Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? (*Марк. 4, 13; 8, 17–18*)

Подобно Петру, большинство учеников, вероятно, были рыбаками из Галилеи. Кроме того, что их существование не подтверждается письменными свидетельствами, трудно представить, чтобы кто-то из них был способен создать сложные теологические формулировки, которые мы находим в Новом Завете. В Книге Деяний (4, 13) Петр и Иоанн прямо названы людьми «некнижными и простыми». Это еще один аргумент в поддержку того, что послание Петра написал не ученик Петр, а Евангелие от Иоанна — не ученик Иоанн.

Евангелия и другие новозаветные труды были написаны на греческом. Во всяком случае, нет ни филологического доказательства, ни разумного обоснования гипотезы, утверждающей, что изначально они были написаны на древнееврейском или арамейском языке, а известные нам тексты — всего лишь греческие переводы.

В Палестине времен Иисуса греческий был языком образованных людей. Изучал ли Иисус греческий, нам не известно, однако Сальция Ландманн замечает: «Скорее всего, Иисус, деревенский житель из Галилеи, владел греческим и латынью в той же степени, в какой раввин-чудотворец из Восточной Галиции владел польским и рутенским, т. е. знания нескольких слов было достаточно для обсуждения элементарных бытовых тем»⁶.

Сам Иисус и его ближайшие последователи говорили на арамейском языке, родственном древнееврейско-

му. Вполне возможно, что у них был сильный акцент, типичный для Галилеи. Действительно, в Петре узнали галилеянина и ученика Иисуса именно из-за этого акцента: «...точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя» (Матф. 26, 73).

Не сохранилось ни одной записи, которая содержала бы слова Иисуса о его семье или жизни, произнесенные в кругу близких к нему людей. В большинстве книг Нового Завета, например в посланиях Павла, сам Иисус никогда не цитируется. Только евангелия заявляют, что дословно передают слова Иисуса. Они, предположительно, были переведены на греческий, общеупотребительный язык того времени. Затем потребовалось перевести их обратно на арамейский для тех приверженцев формирующегося учения Иисуса, которые говорили только на этом языке. В конце концов, высказывания были записаны для грекоговорящего читателя в форме евангелий, и в таком виде они дошли до нас.

Высказывания Иисуса, в том виде, в котором мы сегодня читаем и воспринимаем их в евангелиях, оказываются укорененными не в его семитическом, а в нашем, европейском, лингвистическом мире. Общеизвестно, что люди из разных языковых семей не только говорят, но и думают по-разному. Иисус и его ученики принадлежали к семитической языковой семье, а потому мыслили иными категориями, нежели те, что привычны для носителей индоевропейских языков.

Древнейшие дошедшие до нас свидетельства об Иисусе — это послания Павла из Коринфа в Салоники, к общине фессалоникийцев, первое из которых предположительно было отправлено в 50 г. н. э. Конечно, Павел нигде не касается земной личности Иисуса и не проявляет ни малейшего интереса к этому вопросу. Он сообщает о распятом и воскресшем Христе, Христе веры и проповеди, но не об исторической личности Иисуса из Назарета.

Ученые в целом соглашаются в ответе на вопрос о хронологической последовательности написания евангелий, но точные даты их появления неизвестны. Согласно господствующему мнению, Евангелие от Марка датируется приблизительно 70-м г. н. э. (за исключением второй половины заключительной главы, которая предположительно была написана примерно на сто лет позже); Евангелие от Матфея восходит к 80-м годам (заключительная глава его была написана спустя почти 150 лет); Евангелие от Луки увидело свет вскоре после того — около 90 г. н. э.; Евангелие от Иоанна — спустя 10–30 лет, в конце I или в начале II века.⁷ Книга Деяний Апостолов того же автора, что и Евангелие от Луки, датируется примерно 95 г. н. э.

Завоевание Иерусалима и разрушение Храма (70 г. н. э.) упоминаются как у Марка (13, 2), так и у Луки (19, 43–44). В Евангелии от Матфея сообщение о павшей столице включено в притчу о свадебном пире (22, 7–8).

Апокалипсис, или Откровение Иоанна, заключительная книга Нового Завета, считается и хронологически последним каноническим документом. Существует, однако, мнение незначительного числа ученых, называющих более раннюю дату написания. Они основываются на том, что упомянутое в Книге Откровения (13, 18) мистическое число 666 — тайный символ, обозначающий цезаря Нерона.⁸

Ни евангелия, ни какая-либо другая книга Нового Завета не сохранились в своем первоначальном виде; не дошли до нас и первые их списки. Мы имеем лишь копии копий предыдущих списков. Никто не может доказать, что эти копии не содержат дополнений, вносящих элементы более позднего церковного учения. Дошедшие до нас древнейшие копии синоптических евангелий, написанные уже не на папирусе, а на пергаменте, относятся к III и IV столетиям. Новый Завет в том виде, в ка-

ком он существует сегодня, получил распространение в восточном христианском мире примерно к 380 г. н. э.⁹ Фрагмент папируса восемнадцатой главы Евангелия от Иоанна, относящийся к первой половине II века, был обнаружен в 1933 году в Египетской пустыне.

Евангелие от Иоанна определено не было написано одним автором. Существует вероятность, что другие евангелия также стали плодом творчества нескольких писателей. Эти авторы должны были быть более или менее образованными богословами. Откуда они были, где проживали и где составляли свои труды — нам неизвестно. В церковной традиции, а также среди ученых часто можно встретить мнение, что лишь самое первое евангелие, Евангелие от Марка, было написано в Риме.

Евангелия были переданы нам в анонимной форме; свои современные названия они получили от отцов Церкви во II веке. Критерии, по которым определялось авторство, нам не известны, за исключением, возможно, Евангелия от Иоанна, автора которого, как можно предположить, установили на том основании, что только Иоанн назван в нем учеником, «которого любил Иисус».

Евангелия и послания странствующих последователей Иисуса переписывались вновь и вновь, и уже поэтому в них неизбежно должны были вкрасться отклонения. Еще одним источником разночтений стало то, что описания благочестивых летописцев Иисуса основывались главным образом на устных рассказах. И если помнить, что все события происходили на Ближнем Востоке и что «информаторы» в большинстве своем были людьми простыми (более того, они стали последователями Иисуса, попав под влияние тех, кто твердо и горячо верил в его воскресение), то становится очевидной сложность отделения фактов от вымысла.

За триста лет, минувших со смерти Иисуса и до возведения христианского учения в статус государственной религии, доктринальные мнения сплелись в большой

запутанный клубок. Обнаруженный в Стамбуле в 1966 году манускрипт, содержащий информацию о первых столетиях христианства, указывает на существование около 80 различных версий евангелий. Некоторые из них сохранились, но считались апокрифическими, а потому не были включены в Новый Завет.

Первым общинам Павла предстояло найти ответ на вопрос: что именно из всего изобилия документов и писаний считать обязательным, а что нет. Время от времени делать «выбор» или вносить «исправления» приходилось более или менее произвольно. Папий, ранний христианский епископ, описывает встречу отцов Церкви, состоявшуюся примерно в 140 г. н. э. На ней существовавшие на тот момент тексты были положены к подножию алтаря. Поскольку способа определения подлинных и поддельных текстов уже не было, отцы помолвились о том, чтобы подлинные книги сами вознеслись на алтарь. Согласно Папию, это действительно произошло. К сожалению, он не счел нужным перечислить эти книги.

Так называемый Ветхий Завет, как и прежде, считался «священной» книгой в самом строгом смысле этого слова. Устно передаваемым высказываниям Иисуса присваивался такой же авторитет. Следом за ними шли многочисленные евангелия и прочие писания, которым предавалось меньше значимости, и они не были расположены по степени важности. Вопрос о том, что считать «правовериим», а что «ересью», обсуждался в течение долгого времени и послужил поводом для бурных дебатов внутри Церкви. Сотни конкурирующих учителей претендовали на провозглашение «истинного учения Христова» и обвиняли других в мошенничестве.¹⁰ Схватки между христианами были более яростными, чем дискуссии с язычниками, по отношению к которым Церковь проявляла терпимость, пока не обрела политическую власть.

В конце концов, за двести с лишним лет некоторые евангелия были включены в так называемый Новый Завет, хотя многие из них долгое время отвергались. Другие пали жертвой внутрицерковных споров: любой церковный авторитет мог пожелать, чтобы приняли некое писание, но не всегда достигал своей цели. Например, Тертуллиан и Ориген хотели канонизировать Евангелие Евреев и Евангелие Египтян. (На ранней стадии канонизации было решено признать только Евангелие от Луки, но лишь после «очистки от иудаизма», и десять подобным же образом «очищенных» посланий апостола Павла.) Именно на этом настаивал учитель церкви Маркион, бесспорно, самый влиятельный христианский участник дискуссий II столетия, однако позже его требования были осуждены как ересь.¹¹

Споры продолжались вплоть до 383 г. н. э., когда папа Дамасий I поручил своему секретарю Иерониму (Блаженному Иерониму) пересмотреть древний латинский перевод Библии. В результате появилась еще одна латинская версия, Вульгата, содержащая помимо Ветхого Завета, еще 27 книг, которые с тех пор и составляют канон Нового Завета. С этого времени их также считают писаниями апостолов, книгами, вдохновленными Святым Духом и, следовательно, имеющими божественное происхождение. Всякое сомнение в их содержании было запрещено *a priori*. Четыре евангелия, в частности, были утверждены на основании довольно странного аргумента: сторон света — четыре; кроме того, согласно пророку Иезекиилю, у колесницы всевышнего Бога находятся четыре животных.

Только на заре Просвещения был робко поднят богословский вопрос: был ли Новый Завет трудом исключительно Божьим? Со временем его стали считать, по словам Иоганна Готфрида Гердера, «книгой, написанной людьми и для людей». Разумеется, рассуждать на эту тему официально могли себе позволить только протес-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru